

СИЯНИЕ В ГЛАЗАХ
Что вырывает нас из небытия?
Хулиан Каррон

ГЛАВА 2
«КАК ЗАПОЛНИТЬ ЭТУ БЕЗДНУ ЖИЗНИ?»

Вопрос, на котором мы сосредоточили наше внимание, является основополагающим: «Что вырывает нас из небытия?» Как в неизбежной драме жизни не пасть под грузом нашей уязвимости и нашего бессилия? Что в состоянии ответить на отсутствие смысла? Удар, нанесенный коронавирусом, коснувшийся каждого из нас, заставивший нас бояться за нашу жизнь, обострил вопрос еще сильнее и тем самым позволил нам с большей ясностью пересмотреть и взвесить наши варианты ответа на него.

1. Неудовлетворительные попытки

А. Приводить аргументы, которые никого не увлекают

Некоторые люди думают, что для победы над грозящим нам ничто достаточно *рассуждений*. Но, как показывает опыт, одних только рассуждений мало. Мысль, философия, психологический или интеллектуальный анализ не в состоянии дать человеку новое начало, вернуть дыхание его желанию, возродить «я». Библиотеки полны такими текстами, а благодаря интернету они доступны каждому, но небытие все равно распространяется. Мы сознаем их несостоятельность, когда внимательно вглядываемся в то, что будоражит глубины нашего сердца. «Человеческое существо подразумевает нечто большее, нежели простое существование; есть в человеческом существе нечто скрытое, подавленное, пренебреженное или искаженное. Как проникнуть под его оболочку приспособления и понять, в приспособлении ли его конечное призвание? Мы изучаем человеческое поведение и не должны забывать о человеческой потерянности»⁵⁰.

Как много слов, которые мы слышим или произносим, брошены на ветер! «[Он] говорит бесконечно много пустяков, больше, чем кто-либо в Венеции; его рассуждения – это два зерна пшеницы, спрятанные в двух мерах мякины. Чтобы их найти, надо искать весь день, а найдешь – увидишь, что и искать не стоило»⁵¹, – обличает одного из своих персонажей Шекспир. Разум может вращаться вхолостую вокруг доводов, лишенных реального содержания. «Для ума... всегда есть искушение увлечься игрой понятий, которую он находит притягательной, не замечая при этом, что тем самым рвется связь, соединяющая его с реальностью»⁵².

Одним словом, недостаточно предлагать понятия, пусть даже корректные и правильные; не они в состоянии завоевать жизнь и утолить присущую ей жажду. И не «религиозные речи» – «набор разрозненных идей, не способных вдохновить других»⁵³, – убеждают современного человека. Мало иметь религиозные воззрения, говорить о Боге, трансценденности или божественном, чтобы выбраться из болота нигилизма. Можно быть религиозными с культурной точки зрения, можно даже быть христианами, но за провозглашаемыми словами и истинами ощущать пустоту существования, вплоть до

⁵⁰ A. J. Heschel. *Who is Man?* Stanford, CA: Stanford University Press, 1965. P. 5.

⁵¹ У. Шекспир. *Венецианский купец*. Акт I, сцена I. Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

⁵² F. Varillon. *L'umiltà di Dio*. Magnano (Bi): Qiqajon – Comunità di Bose, 1999. P. 30.

⁵³ См. Франциск. *Evangelii gaudium*, 147.

отчаяния. Не отвлеченные моралистические проповеди, религиозные ли или светские, вырывают нас из небытия. Павел Евдокимов писал: «Речей больше недостаточно, часы истории показывают, что настало время, когда вопрос не в том, чтобы просто говорить о Христе, а скорее, чтобы *стать Христом*, местом Его присутствия и Его слова»⁵⁴. Понятия, даже когда они во всем правильны, не способны произвести и тени того, что победило бы небытие. Гнозис в любой своей форме не может состязаться с экзистенциальным, конкретным нигилизмом. И мало поменять понятия или умножить интеллектуальные знания, чтобы решить проблему.

По-своему выражает нетерпимость к пустым разговорам, не содержащим реального опыта, Достоевский: «Мне вся эта болтовня-себятешение, все эти неумолчные, непрерывные общие места, и все то же да все то же, до того... опротивели, что, ей-богу, краснею, когда и другие-то, не то что я, при мне говорят»⁵⁵. На причину такой нетерпимости, которая в наше время стала повсеместной и которую мы первыми же и испытываем, указывает Бальтазар: «В мире, который больше не решается принимать красоту, неубедительными становятся аргументы в пользу добра, то есть силлогизмы отстукивают своим чередом, уподобляясь ротационным машинам или счетным устройствам, которые ежеминутно и бесперебойно выдают определенное количество заданного материала, но процесс, ведущий к выводу [к результату таких рассуждений, таких силлогизмов], уже никого не увлекает и сам вывод больше не выводится»⁵⁶. Мы можем говорить истинные вещи, но, не осуществляясь на наших глазах в конкретной притягательной красоте («*pulchritudo est splendor veritatis*»⁵⁷ – «красота есть сияние истины», – утверждает святой Фома), они уже более никого не увлекают, ни нас, ни других людей. Действительно, говорит все тот же Бальтазар, «если *verum* будет недоставать того *splendor*, который был для Фомы признаком прекрасного, тогда познание истины останется прагматичным и формальным»⁵⁸.

Б. Умножать правила

Другие люди видят противоядие от экзистенциального нигилизма в этике. Так множатся обращения к долгу, призывы к тому «что нужно делать», которые даже могут встретить покорность и почтение, если это служит собственному выживанию или удобно по той или иной причине. Однако они ни в малейшей мере не разрешают затруднение «я», не отвечают на его острую потребность в смысле. «Когда нет смысла, остается только долг, бесполезное раздутое чувство долга, еще больше тянущее меня ко дну»⁵⁹, – говорил молодой друг, процитированный выше. Толстой хорошо описал это состояние: «Всегда после таких пробуждений Нехлюдов составлял себе правила, которым намеревался следовать уже навсегда: писал дневник и начинал новую жизнь, которую он надеялся никогда уже не изменять, – *turning a new leaf* [переворачивал страницу], как он говорил себе. Но всякий раз соблазны мира улавливали его, и он, сам того не замечая, опять падал, и часто ниже того, каким он был прежде»⁶⁰. Этики, даже когда я ее одобряю, мало. И вновь Бальтазар открывает

⁵⁴ P. N. Evdokimov. *L'amore folle di Dio*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2015. P. 63.

⁵⁵ Ф. М. Достоевский. *Преступление и наказание* // Полн. собр. сочинений и писем: в 35 т. Т. 6. Спб.: Наука, 2016. С. 129.

⁵⁶ Ср. Г. У. фон Бальтазар. *Слава Господа. Богословская эстетика. Т. 1: Созерцание формы*. М.: ББИ, 2019. С. 5.

⁵⁷ «*Pulchritudo consistit in duobus, scilicet in splendore, et in partium proportione. Veritas autem habet splendoris rationem et aequalitas tenet locum proportionis*» (San Tommaso. *Commentum in Primum Librum Sententiarum*. Distinctio III, quaestio II, expositio primae partis).

⁵⁸ Г. У. фон Бальтазар. *Указ. соч.* С. 132.

⁵⁹ См. здесь. С. 13.

⁶⁰ Л. Н. Толстой. *Воскресение* // Полн. собр. сочинений: в 90 т. Т. 32. М.: Худ. лит., 1936. С. 102.

нам глубинную причину: «Если же *bonum* будет недоставать той *voluptas* [очарования, притягивающего нас и позволяющего переживать опыт полноты, наслаждения], которая для Августина была признаком прекрасного, тогда и отношение к благому будет утилитарным и гедонистическим»⁶¹.

Всем нам известно, насколько слабы любые попытки опираться на нравственное усилие, на меру нашего усердия, когда речь идет о том, чтобы утолить жажду собственного свершения. И если взрослое поколение свыкается с неспособностью проектов, жизненных программ и «дел» удовлетворить нужду, исходящую из глубин «я», то молодые люди остро ощущают пустоту и желание смысла, даже когда закрывают на них глаза. И они по-разному, порой весьма противоречиво, ищут пути удовлетворения или бегства. В статье «Наши ребята гибнут, хрупкие и одинокие», опубликованной несколько месяцев назад в газете *Corriere della Sera*, Сусанна Тамаро писала: «Не проходит уикенда, чтобы до нас не доносились грустные вести о группах друзей, которые теряют жизнь в ДТП после бурной ночи на дискотеке. В попытке остановить эту трагическую тенденцию, выстраиваются новые стратегии: более строгий контроль, алкотесты на выходе из клубов, организация транспорта, который развозил бы молодых людей по домам здоровыми и невредимыми. Это, конечно, необходимые и отчасти спасительные меры, но они не сильно отличаются от стремления ограничить пропасть колючей проволокой. Кто-то, безусловно, спасется, но пропасть всегда и в любом случае будет там, впереди... И что самое поразительное, никто при виде этих повторяющихся происшествий не остановится и не скажет: „Да что вообще творится?“»⁶²

На краю экзистенциальной пропасти нельзя думать, будто решение – в «колючей проволоке». Правила, засовы, ограничения не предохраняют жизнь от пустоты. Невозможно, чтобы в них заключался ответ на тайну нашего бытия, и опыт это постоянно подтверждает. Вещи не меняются, даже если мы изысканным образом обращаемся к тому, что греки называли «золотой серединой», этикой предела, защищающей нас от непомерных порывов, устремлений и желаний. «Мне хотелось бы, чтобы наша культура, не знающая пределов желанию, вернулась к этой культуре предела»⁶³.

Так что же, желание – изъян, который нужно исправить? Перед лицом его огромности, его чрезмерности, не дающей нам покоя, со времен древних греков и по сей день кажется, будто единственное решение – уменьшить его. Однако более или менее ожесточенная борьба за то, чтобы вместить его в приемлемые пределы, есть самое очевидное подтверждение его структурной безграничности, его тревожащей непомерности. Провал любых попыток обуздать желание, загнать его в некие рамки, навязать правила, свидетельствует о невозможности редуцировать его, выявляет в глубине нашего существа постоянство августинова *cor inquietum*.

В. Понижать планку желания

Попытки редуцировать или замаскировать желание предпринимаются постоянно и повсеместно, замечает философ Луиза Мураро: «Возражения и обман возникают от сдерживания: мы довольствуемся малым. Обман возникает, когда мы начинаем недооценивать огромность наших желаний и думать, что нужно соотносить их с нашими силами, от природы ограниченными». В итоге мы приспособляемся к «ложным желаниям, как желания из рекламы, ставим себе целью любой результат, не преследуем

⁶¹ Г. У. фон Бальтазар. *Указ. соч.* С. 132.

⁶² S. Tamaro. *Fragili e soli, così cadono i nostri ragazzi // Corriere della Sera.* 18 ottobre 2019.

⁶³ U. Galimberti. *Il greco senso della misura // D la Repubblica.* 16 novembre 2019. P. 182.

наши подлинные интересы, не делаем того, что для нас по-настоящему важно, не ищем того, что [действительно] идет нам на пользу». «В конечном итоге мы утруждаем себя больше, чтобы получить меньше»⁶⁴. Опускаем планку нашего желания, пытаюсь обмануть собственное сердце. Один молодой человек написал: «Мне тяжело жить на высоте моего желания, и часто я играю на понижение, довольствуясь гораздо меньшим». «Человек наполняет пустоту бесполезным»⁶⁵, – говорил Монтале. «Убивать время – значит множить занятия, которые заполнили бы пустоту. Немногие люди способны смотреть в пустоту хладнокровно, отсюда и социальная потребность что-то делать, даже если дела едва усыпляют смутные опасения, что пустота проявится в нас»⁶⁶.

Что сегодня может быть важнее, чем открытие подлинной природы желания? «Сосредоточиться нужно, – замечает де Любак, – не на дани, которую каждый из нас в той или иной мере платит человеческим слабостям, а на природе и значении нашего желания»⁶⁷. Самая коварная угроза нынешнего времени заключается именно в незнании подлинного масштаба человеческого желания, в незнании, которое может идти разными путями и всячески поощряться теми, кто стремится контролировать жизнь других людей.

Льюис с присущей ему мудростью выражает эту мысль словами Баламута: «Самые глубокие импульсы и склонности человека – то сырье, та строительная площадка, которыми Враг [Бог] снабдил его. Заставив его отойти от них, мы выигрываем очко. Даже в несущественных вопросах желательно подменить его собственные взгляды земными стандартами, условностями или модой»⁶⁸. Вот она, дьявольская тактика: отдалить нас от наших самых глубоких импульсов, от образующих нас желаний, отвлекая нас. Но отвлечение внимания, используемое любой властью с целью разъединения нас с самими собой, обнаруживает всю свою несостоятельность, как только реальность вновь сотрясает нас (мы увидели это на примере коронавируса), пробивая брешь в пузыре привычной лжи. Отвлекаясь, я, если выражаться словами рэпера Marracash, которые напоминают эпитафию, «заполняю время, но не пустоту»⁶⁹.

2. Наша человечность

Если не происходит что-то способное целиком покорить наше существо, пробудив интерес к реальности в ее полноте, все становится чуждым нам, как пишет Йозеф Рот: «Отчужденность разрасталась вокруг каждого из них, каждый словно сидел в непроницаемой стеклянной сфере, смотрел на другого и не достигал его»⁷⁰. Ни речи, светские ли или религиозные, ни напоминания о долге, о том, что «нужно делать», в том числе и во имя религии, не способны исцелить нас от астении желания и от притупленности интереса, о которых мы уже упоминали.

Об этом свидетельствует письмо одного молодого друга: «Как я вижу, самое большое искушение для меня – думать, будто я уже знаю ответ на вопрос о том, что вырывает меня из небытия. Но, имея дело с фактами, я всегда оказываюсь на краю пустоты. Всё, включая мою девушку, или учебу, или защиту диплома, может наскучить, все становится одинаковым и в некотором смысле далеким [недостаточным для исполнения желания]. Осознание такого безразличия [затрагивающего даже привязанность] наступает только потом, и чем

⁶⁴ L. Muraro. *Il Dio delle donne*. Milano: Mondadori, 2003. P. 31–32.

⁶⁵ E. Montale. *Nel nostro tempo*. Milano: Rizzoli, 1972. P. 18.

⁶⁶ E. Montale. *Ammazzare il tempo // Auto da fè*. Milano: Il Saggiatore, 1966. P. 207.

⁶⁷ Ср. А. де Любак. *Мысли о Церкви*. Милан-Москва: Христианская Россия, 1994. С. 205.

⁶⁸ К. С. Льюис. *Письма Баламута // Собр. соч.: в 8 т. Т. 8*. М.: Фонд о. Александра Меня, 2000. С. 54.

⁶⁹ Marracash. *TUTTO QUESTO NIENTE – Gli occhi*. 2019. © Universal Music.

⁷⁰ J. Roth. *Lo specchio cieco // Il mercante di coralli*. Milano: Adelphi, 1981. P. 63.

усиленной я всматриваюсь в него, тем, кажется, в большее противоречие вхожу даже с тем, что, по-моему, уже знаю. Я понимаю, что окружен небытием, даже в простых разговорах с моими сокурсниками: диалоги между нами отмечены пустотой, мы перескакиваем с темы на тему, не помня, о чем шла речь раньше. Но одно мне ясно в такие моменты: я не создан ради пустоты. Мне нужны не бессодержательные разговоры, а что-то, что зацепит меня и вырвет из небытия. Однако, вероятно, одного осознания мало, чтобы встретить это что-то».

Я же, напротив, говорю: как раз такое осознание (мы не созданы ради пустоты) есть важнейшая, обязательная составляющая пути выявления того, что вырывает нас из небытия, – открытия нашего человеческого устремления, нашей человечности.

Что такое эта наша человечность, которая не дает себя обмануть, обвести вокруг пальца, которой мы не можем предложить любой произвольный ответ? Самообман и отвлечение внимания прикрывают трудности, но не вырывают нас из небытия. Даже раненая, потрепанная, запутавшаяся, наша человечность не позволяет сбить себя с толку, одурачить первому встречному. И это первый признак того, что она не так сильно запуталась, как кажется. И хотя порой из-за нехватки честности, или внимания, или подлинной нравственности мы следуем за тем, что неистинно, позволяем ему увлечь себя, рано или поздно именно человечность внутри нас помогает осознать, что мы впали в великое заблуждение. Историк Франсуа Фюре подтверждает это названием одной из своих книг: «Прошлое одной иллюзии» (в ней имелась в виду иллюзия коммунизма).

Наша человечность – решающий и в конечном счете неодолимый оплот. «Я, – пишет Льюис, – ценю в опыте его честность: ошибайся сколько угодно, но не смей зажмуриваться — и ты увидишь сигнал об опасности, прежде чем зайдешь слишком далеко. Обманывай себя сам, если хочешь, – чувства тебя не обманут. Покуда ты честно испытываешь вселенную, они тебя не подведут»⁷¹. Есть, однако, важный момент: опыт, чтобы быть таковым, должен содержать суждение, оценку, а значит, и критерий, на основании которого выносятся суждения. Что это за критерий? Наша человечность. Она не какая-то мучительная тяжесть, не бремя, что мы вынуждены нести вопреки самим себе, не бездонная пропасть, препятствующая нашему отношению с реальностью. Нет, именно в ней – наш критерий суждения.

Я до сих пор помню, какая радость меня охватила, когда я сознательно и удивленно заметил в себе способность выносить суждение, позволяющую приобретать опыт в отношении со всем. Действительно, приобретать опыт – значит испытывать что-либо, вынося суждение и руководствуясь тем самым критерием, нашей человечностью, совокупностью исходных потребностей и очевидностей, внутренне нам присущей и оживающей в сопоставлении со всем, с чем мы встречаемся. Я понял, что вложенная в меня совокупность потребностей и очевидностей, – конечный критерий для суждения о происходящем.

Сознавая важность нашей человечности с точки зрения познания, отец Джуссани говорит: «Только внимательное, а также нежное и полное пламенной любви осознание себя самого может распахнуть и расположить меня к признанию»⁷², позволяет заметить то, ради чего стоит жить. Мы должны спросить себя, свойственны ли такая любовь, такое внимание и такая нежность нашему взгляду на самих себя. Порой кажется, что речь о чем-то из другой галактики. Поразительно слышать утверждение Джуссани: «Как человечен человек, как человечна человечность!»⁷³ Как человечна моя человечность! Нередко наша человечность внушает нам не пламенную любовь, а страх, мы приходим в смятение, будучи

⁷¹ См. К. С. Льюис. *Настигнут радостью*. Гл. XI.

⁷² Ср. Джуссани Л. *У истоков христианского притязания*. С. 7.

⁷³ L. Giussani. *Affezione e dimora*. Milano: Bur, 2001. P. 42.

не в состоянии улавливать истинное, и в результате все рассеивается в умозрении. «Он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытие, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать»⁷⁴.

Чем чаще мы оставляем за скобками нашу человечность, тем больше колеблемся с признанием ценности происходящего, неуверенные, в какую сторону нам направиться. Это противоположно тому, что испанский поэт Хесус Монтель с волнением увидел в своих детях в период коронавируса: «Мои дети не перестают меня удивлять. Во время изоляции они ни разу не пожаловались в отличие от нас, взрослых. Они принимают ситуацию, ведь для ребенка подлинная норма – это его семья. Я заметил, что ребенок, растущий в атмосфере любви (совсем необязательно совершенной), не много ищет сверх этого. <...> „Нам достаточно вас“, – говорят они. <...> Думаю, дети – доказательство того, что мы созданы не для осуществления неких проектов, а для того, чтобы жить, любя и будучи любимыми. Только в таком случае мимолетная ситуация имеет смысл и настоящее не рушится»⁷⁵.

Дети с легкостью понимают, что им нужно в жизни: присутствие родителей. Мы же, взрослые, как ни парадоксально, испытываем затруднения и часто впадаем в жалобы. Разумеется, есть взрослые, сохраняющие и углубляющую простую человечность детей. Один из ярких примеров – Этти Хиллесум. В своем «Дневнике» она пишет: «Бог мой, я благодарю тебя за то, что ты создал меня такой, какая я есть. Я благодарна за то, что иногда чувствую в себе такой простор, ибо простор этот есть не что иное, как наполненность тобою»⁷⁶.

3. «Способность ощущать человека во всей его цельности»

Кто из нас каждый день переживает хотя бы мгновение подлинной нежности по отношению к самому себе, к своей человечности? Нередко мы относимся к себе плохо, гневно обрушиваясь на нашу человечность, которая не соблазняется ложью. Мы хотели бы убежать от нее, но в то же время нам не удается уничтожить ее. Об этом прекрасно говорит Ницше словами странника из «Веселой науки»: «Пылкое желание истинного, действительного, немнимого, достоверного! Как я зол на него!»⁷⁷

Именно по этой причине меня всегда поражала одна фраза Иоанна Павла II: «Нежность есть способность ощущать человека во всей его цельности»⁷⁸. Такое «ощущение человека во всей его цельности» существенно важно для жизни и противоположно сентиментальности. Но «редко встретишь, – говорит отец Джуссани, – человека, исполненного нежности к себе!»⁷⁹ Если попробовать посчитать, сколько подобных людей мы знаем, и пальцев одной руки, пожалуй, окажется много. Сегодня гораздо чаще в людях перевешивает злоба, ярость, направленная на себя и на других, на реальность.

Тем не менее любой человек желает испытывать именно нежность по отношению к собственной человечности, как пишет Камю в «Калигуле»: «Все кажется таким сложным. А на самом деле все просто. Если бы я получил луну, если бы любви мне было довольно, все бы переменилось. Ты знаешь, Калигула, я мог бы быть нежным. Нежность! Но чем утолить мою жажду? Какое сердце... бездонно, как озеро, чтобы напоить меня? <...> Ни в этом мире, ни в ином нет ничего мне соразмерного. А ведь я знаю, и ты знаешь тоже... что мне нужно только одно: невозможное. Невозможное! Я искал его на границах мира, на краю своей души

⁷⁴ Ф. М. Достоевский. *Преступление и наказание*. С. 6.

⁷⁵ J. Montiel. *The Objective*. 2 de abril de 2020.

⁷⁶ Э. Хиллесум. Запись от 12 декабря 1941 г. // *Я никогда и нигде не умру. Дневник 1941–1943 гг.* Белгород: Клуб семейного досуга, 2016.

⁷⁷ Ср. Ф. Ницше. *Веселая наука* // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 3. М.: Культурная революция, 2014. С. 501.

⁷⁸ См. К. Войтыла. *Любовь и ответственность*. М.: Круг, 1993. Гл. «Личность и целомудрие».

⁷⁹ L. Giussani. *Un avvenimento di vita, cioè una storia*. Roma-Milano: Edit – Il Sabato, 1993. P. 457.

[все мы его ищем]. ...я протягиваю руки и натываюсь на тебя, передо мной всегда только ты, словно плевков мне в лицо. Ты в чудном и сладостном свете звезд... ты для меня как рана, которую я хотел бы содрать с себя ногтями»⁸⁰.

Не находя «чего-то», что позволило бы нам испытывать такую нежность к нашей жажде, к нашей человечности, мы в конечном итоге смотрим на них как на рану, которую хотим содрать с себя, а это прямо противоположно любви. Но почему мы хотим содрать ее? Чтобы не переживать драму, чтобы приглушить ее, насколько возможно, чтобы не считаться с несопоставимостью наших желаний и того, что нам удастся получить. Как говорит Камю: «Нет ничего мне соразмерного». Или как поет Гуччини об отношении с любимой: «Видишь ли, дорогая, сложно объяснить, / сложно понять, если ты еще не поняла... / Тебя много, хотя тебя и недостаточно, / ...ты все, но и этого всего мало»⁸¹.

Так намечается альтернатива: нежность («способность ощущать человека во всей его цельности») или ненависть к собственной человечности («рана, которую хочется содрать с себя»). Как часто мы мучимся, потому что у нас не получается придержать, подавить нашу человечность: несмотря на все усилия, потраченные на то, чтобы заставить ее замолчать, она, когда мы меньше всего ожидаем, прорывается, заявляет о себе.

В «Мигеле Маньяре» Милоша замечательно описан этот опыт. Маньяра предается разврату, но не может заполнить бездну его человечности, его желания. «Я тащил за собой Любовь в удовольствиях, в грязи, в смерти... <...> Я вкушаю горечь травы, растущей на скале тоски. Я служил Венере сначала с неистовством, затем со злобой и отвращением. <...> Конечно, в юности я, совсем как вы, искал жалкую радость, эту беспокойную незнакомку, которая дает вам свою жизнь и не называет своего имени. Но очень скоро меня охватило желание найти то, что вы никогда не познаете: огромную любовь, таинственную и нежную. <...> О, как заполнить эту бездну жизни? Что делать? Ибо желание, как никогда сильное, как никогда безумное, всегда со мной. Оно словно бушующий океан огня, чье пламя достигает самых глубин черного вселенского небытия!»⁸² Желание остается, сохраняется, более сильное, чем когда-либо, несмотря ни на то. И это удивляет, как мы уже говорили. Оно не утасует: чем дальше человек живет, чем больше пытается удовлетворить, заглушить его, тем оно крепче. Для святого Августина ничто несоизмеримо с глубиной человеческого сердца, бьющегося в каждом из нас: «Если бездна есть нечто глубокое, то не стоит ли считать бездной сердце человеческое? И правда, что глубже сей бездны? Люди говорят, их видно по движению их членов, их слышно, когда они беседуют. Но в чьи мысли нам дано проникнуть, в чье сердце дано заглянуть? Что человек совершает в самом себе, на что он способен, о чем помышляет, к чему устремлен, чего желает и чего нет, – кто это постигнет? А потому, полагаю, весьма справедливо под бездной понимать человека»⁸³.

Но в таком случае – повторим еще раз – что же вырывает нас из небытия, что способно заполнить бездну жизни, удовлетворить непреклонное желание, неудобное и возвышенное, «еще более неизмеримое, чем вселенная»⁸⁴, знак человечности внутри нас, обличающий наши несовершенные и недостаточные усилия?

⁸⁰ Ср. А. Камю. *Калигула*. Действие 4, сцена 14. Пер. Ю. Гинзбург.

⁸¹ *Vedi cara*. Сл. и муз. Ф. Гуччини. 1970. © ЕМІ.

⁸² О. Милош. *Мигель Маньяра*. Сериате: Христианская Россия, 2000. С. 49–50.

⁸³ Cf. Sant'Agostino. *Esposizione sui Salmi*, 41,13.

⁸⁴ Ср. Дж. Леопарди. *Указ. соч.* С. 364.